

УДК 81`373.49

МРНТИ 16.21.33

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2025.4.79.036>

ФЕМИННОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО НАРРАТИВА В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ

***Зубенко Я.В.¹, Нефедова Л.А.²**

***¹Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы
Костанай, Казахстан**

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей феминности и женского нарратива в современных немецко- и русскоязычных литературных текстах. Проблемное поле исследования включает сравнительный анализ гендерных и культурных аспектов двух различных литературных традиций. Основная цель работы заключается в выявлении специфики феминности через анализ культурных особенностей женского нарратива в современных литературных произведениях. Материалом исследования служат тексты современных немецко- и русскоязычных писательниц. Методологическая база исследования включает гендерный и сравнительный литературный анализ, а также культурологический подход. Результаты анализа показывают, что в немецкоязычных текстах доминирует акцент на теме материнства и межличностных отношений, что подчеркивает значимость семейной роли женщины и стремление к самореализации. В русскоязычных текстах ключевое внимание уделяется внутренним переживаниям, эмоциональной рефлексии и самоанализу, что свидетельствует о глубокой связи с традицией субъективного нарратива. Выводы исследования подтверждают значительное влияние национального культурного контекста на формирование женских образов и нарративных стратегий. Работа доказывает наличие различий в трактовке женских ролей, которые коррелируют с культурными кодами обеих традиций. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию гендерных стереотипов, социальной динамики и культурной идентичности в литературных текстах. Практическое значение исследования заключается в возможности применения его результатов для анализа гендерной маркированности языковых средств в немецком и русском языках. Выявленные стилистические приемы и особенности языкового выражения феминности способны не только содействовать разработке моделей межкультурной коммуникации, но и служить основой для анализа национальных и культурных особенностей, связанных с гендерной идентичностью, а также для изучения ролевых установок и их языковых проявлений.

Ключевые слова: феминность, женский литературный нарратив,

нарратор-женщина, лингвокультура, коммуникация, гендерный стереотип, нарративный блок, гендерная маркированность

Введение

Феминность и культурные особенности женского нарратива формируют представления о гендерных ролях и идентичности. В современных немецко- и русскоязычных литературных текстах женские нарративы отражают как традиционные, так и современные взгляды на женственность. Однако, несмотря на растущее число исследований, сравнительных анализов, выявляющих общие и специфические черты феминного повествования в этих литературных традициях, все еще недостаточно.

Научная проблема состоит в слабой изученности культурных и гендерных аспектов женского нарратива в немецкой и русской литературе. Существующие обзоры часто сосредоточены на одной литературе, без сравнительного анализа, что ограничивает понимание гендерных и культурных динамик.

Следует отметить, что степень исследованности данной проблемы варьируется. Современная феминистская критика по-новому интерпретирует старые тексты, способствуя разрушению гендерных стереотипов [1], что стимулирует пересмотр устоявшихся представлений о роли женщин в литературе. Ученые рассматривают феминность как некое культурное измерение [2], что позволяет исследовать концепт «женщина» в различных этнокультурных контекстах [3], подчеркивая значимость локальных традиций и обычаев. Образ женщины в произведениях русской художественной литературы рассматривается через историю, а также анализируется структура современных женских романов, выявляются новые подходы к изображению женского опыта.

Современные исследования отмечают феминизацию мужчин и маскулинизацию женщин [4], что не только отражается в изменении гендерных ролей, но и формирует новые социальные ожидания и модели поведения в современном обществе. Вопрос происхождения и исторического развития феминизма все еще значим, поскольку он позволяет выявить ключевые этапы формирования гендерного равенства и осмыслить их влияние на современные социальные и культурные процессы, при этом поднимая дискуссии о том, что абсолютное гендерное равенство не всегда является универсальной или необходимой целью в контексте разных культур и социальных укладов.

Актуальность исследования обусловлена глобализацией и взаимопроникновением культур, требующих понимания отражения гендерных ролей в разных литературных традициях. Сравнительный анализ немецко- и русскоязычных текстов выявляет уникальные и общие черты современных женских нарративов, способствуя пониманию формирования и влияния гендерных стереотипов на восприятие женственности.

Новизна исследования состоит в интегративном подходе, объединяющем феминистскую критику и сравнительный анализ немецко- и русскоязычных женских нарративов. Это расширяет знания о феминности и женском повествовании, предлагая новые интерпретации и теоретические рамки для анализа гендерных аспектов в литературе.

Традиционная философия считала фемининность биологически обусловленной. Платон связывал ее с чувственностью, а Аристотель – с подчинением женщин мужчинам. В XX веке феминистские исследования оспорили это, утверждая, что фемининность формируется культурой, идеологией, образованием и воспитанием. Феминистская критика сталкивается с проблемой разграничения врожденных и приобретенных черт, а также анализа влияния патриархальных структур на восприятие женственности. Разнообразие культурных контекстов, в которых феминность проявляется по-разному, требует междисциплинарного подхода к изучению этого явления.

Исторически отношение к феминности менялось: в античности ценились подчинение и уют, в средневековье – набожность и верность, в эпоху Просвещения – красота и самосовершенствование. В новое время движения за равенство полов повысили ценность интеллектуальных способностей женщин. Сегодня женщины демонстрируют независимость и карьерные успехи.

Феминистская критика помогает по-новому интерпретировать классические тексты, акцентируя внимание на изображении женщин и разрушая гендерные стереотипы. Одной из ведущих феминистских критиков является Э. Шоултер, которая разделяет литературные произведения на гинотексты (произведения, написанные женщинами) и андротексты (произведения, написанные мужчинами) [5, pp. 205-210]. В. Вульф утверждала, что женское письмо отличается более свободной структурой. Э. Сиксу ввела концепции «Женское письмо» и «Смех Медузы», настаивая, что женщины должны писать, исходя из своего телесного опыта, и разрушать классовые и культурные барьеры [1, pp. 57-80]. Обращение к нарративу как к междисциплинарному объекту исследования позволяет расширить подходы феминистской критики, поскольку анализ особенностей повествовательных стратегий в гинотекстах способствует более глубокому пониманию способов репрезентации женского опыта и механизмов воздействия текста на реципиента [6]. Проблема женщины и ее положения в обществе исследовалась в различных аспектах – социальном, культурном, философском и литературном, что отражает многогранность восприятия женской роли в истории и культуре [7, с. 64]

В литературе феминность выражается через изображение женских качеств, черт и поведения, которые могут варьироваться в зависимости от времени, культуры, жанра и стиля авторов. Женские персонажи воплощают различные аспекты феминности через свои роли, мысли, чувства и

взаимодействия с другими. Литература использует символику и метафоры для углубления понимания феминности и часто критикует стереотипы и нормы, поднимая вопросы гендерного неравенства и роли женщин в обществе.

Проблема феминности в исследованиях сложна и многослойна. Традиционно связанная с биологическими и поведенческими характеристиками женщин, она подвержена культурным, социальным и историческим влияниям. Разграничение врожденных и приобретенных черт, а также влияние патриархальных структур усложняют анализ. В различных культурах феминность проявляется по-разному, требуя междисциплинарного подхода. Эта проблема остается актуальной и сложной для современных исследователей.

Таким образом, исследование дополняет существующие знания о женском нарративе в немецко- и русскоязычных текстах и открывает новые перспективы для изучения феминности в контексте культурных различий и взаимодействий.

Описание материалов и методов

Феминность как философское и социологическое понятие представляет собой сложное и многогранное исследование, охватывающее совокупность качеств, характеристик и поведенческих норм, традиционно ассоциируемых с женщинами в определенной культуре. Цель данной работы – рассмотреть феминность в контексте культурных особенностей женского нарратива в современных немецко- и русскоязычных литературных текстах. Исследование направлено на выявление сходств и различий в изображении женской идентичности в двух различных культурных средах.

Основой для анализа служат художественные произведения немецко- и русскоязычных авторов-женщин. В работе применен комплекс специальных методов: метод лингвистического моделирования, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвокультурологического анализа.

Для исследования были использованы произведения художественной прозы немецко- и русскоязычных авторов-женщин, написанные с начала XXI века до настоящего времени, в которых ретроспективно анализируется внутреннее состояние в контексте жизненных условий, исторической ситуации и влияния культурной среды. В результате были отобраны следующие художественные тексты немецкоязычных авторов-женщин: Charlotte Link „Das Haus der Schwester“, 2010; Lea Streisand „Hätt' ich ein Kind“, 2022; Lea Streisand „Hufeland, Ecke Bötzwow“, 2023; Anne Rabe „Die Möglichkeit von Glück“, 2023; Jasmin Schreiber „Endling“, 2023. Русскоязычные литературные произведения: Ю. Лавряшина «Гринвичский меридиан», 2000; Ю. Лавряшина «Запретный плод», 2019; М. Метлицкая «Можно я побуду счастливой?», 2018; М. Метлицкая «Его женщина», 2019. Всего было проанализировано 120 нарративных блоков: 60 на материале немецкого языка и 60 на материале русского языка.

Анализируемой единицей является нарративный блок, рассматриваемый как отдельная смысловая составляющая женского нарратива и служащий механизмом для понимания хода событий в жизни нарратора.

Результаты

Женский нарратив представляет собой форму выражения феминного нарратора, рассказывающего о реальных или вымышленных событиях, значимых для женского восприятия окружающей действительности. Женский литературный нарратив создает особую форму коммуникации, в которой повествователь и читатель взаимодействуют, воспринимая нарратора-женщину как представителя определенной лингвокультуры через ее внутренний феминный мир.

Таблица 1. Количественное и процентное соотношение примеров, отражающих тематику феминности

№	В немецкоязычных произведениях	Кол-во примеров (%)	В русскоязычных произведениях	Кол-во примеров (%)
1	материнство	15 (25%)	внутренние переживания и эмоциональные состояния	12 (20%)
2	социальные взаимодействия и межличностные связи	12 (20%)	семейные ценности и роли	11 (18%)
3	эстетические аспекты самопрезентации	10 (17%)	эстетические аспекты самопрезентации	9 (15%)
4	организация семейного быта	7 (12%)	социальные взаимодействия и межличностные связи	9 (15%)
5	роль образования и профессиональной деятельности	6 pp(10%)	роль образования и профессиональной деятельности	8 (14%)
6	подход к решению проблем	5 (8%)	личные воспоминания и рефлексия	6 (10%)
7	эмоциональное и психологическое благополучие	5 (8%)	чувство одиночества	5 (8%)
Всего:		60 (100%)		60 (100%)

Обсуждение

После проведенного анализа литературы немецкоязычных авторов-женщин выявлены несколько ключевых аспектов, интересующих женщин:

1) Материнство. Анализ нарративных блоков относительно вопроса понимания женственности показал, что наиболее часто нарратор-женщина обращается к проблеме материнства. Приведенные примеры демонстрируют действия, которые могут характеризовать исключительно женщину: вынашивание ребенка, его кормление, а также потребность ребенка именно в матери как источнике питания (*das Muttertier – животное-мать, матка, самка; наш вариант – мать-кормилица*). Такие аспекты, как беременность (*schwanger – беременная*) и лактация (*In meine Brüste schoss die Milch – молоко прилило к груди, die entzündeten Brustwarzen – воспаленные соски*), являются уникальными для женского опыта и подчеркивают биологические и социальные роли женщины в процессе воспитания детей.

... keinen Moment lang hat sie daran gezweifelt, dass ich die Richtige für sie bin, dass *ich ihre Mutter bin* [8, S. 11] (здесь и далее перевод наш – Я.З.: ... она ни на секунду не сомневалась, что я то, что ей нужно, что я ее мать).

В нарративе используется существительное *die Mutter*, репрезентирующее на женский пол. Это слово, возникшее в древневерхненемецком языке в VIII веке, обозначает женщину, родившую и воспитывающую детей. Суффикс *-ter* указывает на родство; слово относится к женскому роду по биологическому полу, но может также означать настоятельницу монастыря.

Als ich das erste Mal *schwanger war*, hoffte ich, es würde *ein Mädchen* werden [8, S. 20] (Когда я в первый раз была беременна, я надеялась, что будет девочка). В данном примере используется еще одно существительное, относящееся к женщине по биологическому полу: *das Mädchen*, обозначавшее ранее девушку из простонародья, прислугу.

In meine Brüste schoss die Milch und drückte sich schmerzhaft durch die *entzündeten Brustwarzen*. ... Ich war *das Muttertier*, das er brauchte, und mit nichts anderem wäre ihm geholfen gewesen [8, S. 21] (Молоко прилило к груди и болезненно вытекло через воспаленные соски ... Я была той матерью-кормилицей, которая ему была нужна, и ничто другое ему бы не помогло).

Нарратор использует в предложении в качестве сравнения сложное существительное *das Muttertier* (*die Mutter* – мать + *das Tier* – животное) по отношению к человеку, чтобы подчеркнуть первозданную, инстинктивную сторону материнства. Эта формулировка акцентирует внимание на биологической роли матери как источнике питания и заботы, подчеркивая, что в данном контексте ребенок нуждался именно в этих природных, базовых функциях. Использование слова *das Muttertier* передает идею о том, что никакие другие аспекты или роли не могли бы заменить эту основную потребность, и таким образом усиливает значимость материнства на уровне инстинкта.

2) Социальные взаимодействия и межличностные связи. Семья для женщины часто является важным источником эмоциональной поддержки и взаимопонимания. Забота о близких способствует развитию чуткости и ответственности, укрепляет чувство защищённости и содействует личностному росту.

Für mich war gleich klar gewesen, dass er der Mann war, mit dem ich alt werden wollte. Er war der Erste, der mich *wie einen Menschen behandelte*. Ich war weder *Prinzessin* für ihn noch *Fußabtreter*, sondern eine Person, der er auf Augenhöhe begegnete [9, S. 12] (Для меня сразу стало ясно, что он тот самый мужчина, с которым я хотела бы состариться. Он был первым, кто относился ко мне как к человеку. Я не была для него ни принцессой, ни подстилкой, а личностью, которую он уважал и воспринимал на равных).

Нарратор использует противопоставление *Prinzessin* (принцесса) и *Fußabtreter* (коврик для вытирания ног) для того, чтобы подчеркнуть

равноправное и уважительное отношение со стороны партнера. Эти противоположные образы символизируют крайности в восприятии женщин: *Prinzessin* – это образ идеализированной, возвышенной женщины, нуждающейся в защите и обожании, тогда как *Fußabtreter* – это метафора женщины, чьи чувства и достоинство игнорируются и которую унижают и используют. Нарратор через противопоставление показывает, что ее партнер воспринимает ее как равную, уважает ее личность и ценит ее мнение, что и делает их отношения особенно значимыми и гармоничными. Существительное *die Prinzessin* используется в переносном смысле, хотя изначально указывает на титул нецарствующей женщины, наследницу престола, жену или дочь принца, и также применяется как эпитет по отношению к девушке или женщине.

Nun hatte ich einen Freund und eine Doktorarbeit. Aber mit der Promotion kam ich nicht vorwärts, die Beziehung stagnierte. *Kinder zu bekommen wäre der nächste Schritt* [9, S. 18] (Теперь у меня был парень и докторская диссертация. Но с докторской у меня ничего не получилось, и отношения застопорились. Следующим шагом было бы рождение детей).

Для немецкоязычного нарратора приоритеты включают развитие как в личной, так и в профессиональной сфере, что проявляется в стремлении завершить докторскую диссертацию и поддерживать отношения. Однако, когда ни одно из этих направлений не прогрессирует, рождение детей рассматривается как следующий логический шаг. Используя в предложении конструкцию с *wäre* (кондиционалис 1) – *wäre der nächste Schritt* (было бы следующим шагом), нарратор не может утверждать, что задуманное будет полностью выполнено, женщина сомневается.

3) Эстетические аспекты самопрезентации. Эстетика внешнего облика и персонального стиля играют значительную роль в жизни женщины, позволяя выразить индивидуальность и повысить самооценку. Они также служат средством социальной коммуникации, помогая интегрироваться в различные культурные и профессиональные среды.

Ich trug *ein Kleid aus weißer Baumwolle*, das sich aufblähte, wenn ich mich drehte. An meinen Füßen blitzten neue *weiße Spangenschuhe*, und selbst in meinem Haar glitzerte *eine Spange* [9, S. 7] (На мне было *платье из белого хлопка*, которое раздувалось, когда я кружилась. На ногах сверкали новые *белые туфельки с ремешками*, а в волосах блестела *заколка*). Лексический повтор прилагательного *weiß* – *aus weißer Baumwolle*, *weiße Spangenschuhe* используется в речи нарратора для усиления определенных значений, акцента на важных деталях. Качественное прилагательное *weiß*, обозначающее белый цвет, в нашем случае, в одежде и обуви традиционно ассоциируется с чистотой, невинностью и элегантностью, что подчеркивает женственность и утонченность образа. Белое хлопковое платье (*ein Kleid aus weißer Baumwolle*), туфельки с ремешками (*weiße Spangenschuhe*) и блестящая заколка в волосах создают гармоничный и

привлекательный образ женщины, символизируя ее стремление к красоте и совершенству.

Ich hatte mich selbst so *hässlich* gefunden. *Gott*, ich bin zwanzig, hatte ich gedacht. So *schön* wie jetzt werde ich nie wieder. Und wenn ich jetzt schon so *hässlich* bin, *wo soll das erst hinführen*. Irgendwann werden die Leute schreiend weglaufen, wenn sie mich sehen [9, S. 18] (Я считала себя такой уродливой. Боже, мне двадцать, думала я. Такой красивой, как сейчас, я уже никогда не буду. И если я уже сейчас такая уродливая, что будет дальше? Люди будут в ужасе убежать, увидев меня). Противопоставление качественных прилагательных с отрицательной положительной оценкой *hässlich* – уродливый и *schön* – красивый подчеркивает резкий контраст в восприятии женщиной своей внешности. Риторический вопрос (*wo soll das erst hinführen* – что будет дальше?), который она задает сама себе, выражает ее тревогу и неуверенность в будущем, усиливая эмоциональное напряжение и чувство безысходности. Женщина размышляет о том, как изменится ее внешний вид со временем, что отражает ее глубокие переживания и страх перед ухудшением своей привлекательности. Мнение окружающих важно для молодой девушки, так как оно воздействует на ее самооценку и восприятие собственной привлекательности, что, в свою очередь, отражается на ее уверенности в себе и социальном поведении – *werden die Leute schreiend weglaufen, wenn sie mich sehen*. Слово *Gott* – Боже в данном контексте является междометием, которое выражает удивление, отчаяние или сильное эмоциональное напряжение нарратора.

4) Организация семейного быта. Ведение домашнего хозяйства играет значительную роль для женщины, поскольку это демонстрирует ее организационные способности, заботу о семье и внимание к повседневным деталям. Способность эффективно управлять бытовыми обязанностями характеризует женщину как ответственного и заботливого человека, стремящегося создать уют и комфорт в доме.

Ich putze ja fast nie. Seit ich mit Paul zusammen bin, habe ich mich zur schlechtesten Hausfrau der Welt entwickelt [9, S.14] (Да я почти никогда не убираюсь. С тех пор, как я начала встречаться с Полом, я стала худшей домохозяйкой в мире). Гиперболизированная экспрессия *die schlechteste Hausfrau der Welt* («худшая домохозяйка в мире») используется в нарративе для подчеркивания крайнего несоответствия ожиданиям и стандартам ведения домашнего хозяйства, создавая образ чрезмерной самокритики и внутреннего чувства неадекватности у нарратора. Подобное преувеличение усиливает эмоциональную напряженность и демонстрирует внутренний конфликт между социальными нормами и личными представлениями о собственной роли. Нарратор использует оттеночные частицы (*ja* – же, *da*) в речи для придания дополнительной эмоциональной и экспрессивной окраски, а также для более точной передачи своих мыслей и настроений.

Es ist mir schon peinlich. Früher hab ich wenigstens noch regelmäßig

gekocht [9, S.15]. (*Мне уже стыдно*. Раньше я хотя бы готовила регулярно). Использование сокращенной формы *hab* вместо *habe* в предложении подчеркивает разговорный стиль и отражает неформальность и непосредственность речи персонажа.

5) Роль образования и профессиональной деятельности. Получение образования является важным для женщины, так как это открывает перед ней широкие возможности для профессионального роста и личностного развития. Образование позволяет женщине получить престижную работу, обеспечивающую финансовую независимость и возможность реализовать свои амбиции.

Deshalb bin ich *Wissenschaftlerin* geworden, *Biologin* und, um genau zu sein: *Entomologin*. Also so eine komische *Insektenfrau* [10, S. 10] (Поэтому я стала ученым, биологом, а точнее: энтомологом. Вот такая смешная женщина-насекомое). Ich bin die seltsame *Insektenlady*, und ich liebe es, über alles zu reden, was krabbelt und flattert [10, S. 11] (Я странная женщина-насекомое, и я с удовольствием говорю обо всем, что ползает и порхает).

Нарратор с гордостью выбрала карьеру ученого, специализируясь на биологии и конкретно на энтомологии, что подчеркивает ее преданность науке. Она осознает необычность своей профессии и с юмором называет себя «смешной и странной женщиной-насекомым» – *die komische Insektenfrau*, *die seltsame Insektenlady*. Ее страсть к работе проявляется в радости, с которой она говорит о предмете своих исследований. Можно заметить, что нарратор для описания своей профессиональной деятельности в одном случае использует сложное существительное *Insektenfrau* – женщина-насекомое, а в другом *Insektenlady*, чтобы подчеркнуть смешение немецкого и английского языков, создавая игривый и самоуничижительный тон, который добавляет легкости и юмора к описанию ее профессии.

Следует отметить также, что в данных примерах используются номинации лица женского пола, которые образуются при помощи суффикса *-in*: *die Wissenschaftlerin*, *die Biologin*, *die Entomologin*.

6) Подход к решению проблем. Женщины часто подходят к решению проблем комплексно, учитывая различные аспекты ситуации и возможные последствия. Они склонны искать компромиссы и сотрудничество, чтобы найти наиболее эффективные и устойчивые решения.

Die Lösungen für die Probleme der anderen lagen mir stets offen. Man musste die Dinge nur ansehen, denn sagten sie einem, wo sie hingehörten. *Teller in die Spülmaschine*, *T-Shirts in den Schrank*, *Arschlöcher vor die Tür* [9, S. 15] (Решения проблем других всегда были очевидны для меня. Нужно было лишь посмотреть на вещи, ведь они сами подсказывали, куда им место. *Тарелки – в посудомоечную машину*, *футболки – в шкаф*, *придурки – за дверь*). Нарратор структурирует свои действия путем перечисления, ясно определяя порядок решения проблем: *Teller in die Spülmaschine*, *T-Shirts in den Schrank*, *Arschlöcher vor die Tür*. Этот подход подчеркивает способность

нарратора быстро и эффективно находить решения для различных ситуаций. Разговорная лексика (*der Arschlöcher – придурак*) используется в данном случае для придания речи более личного и эмоционального характера, а также для выразительного и неформального описания ситуации, подчеркивая непосредственное отношение нарратора к описываемым событиям.

7) Эмоциональное и психологическое благополучие. Состояние психологического здоровья женщины является важнейшим фактором ее общего благополучия и способности успешно преодолевать жизненные трудности. Эмоциональная устойчивость и психическое здоровье напрямую влияют на ее эффективность в профессиональной деятельности, межличностные отношения и качество жизни в целом.

Ich bin eine alte Jungfer. Ein bisschen verschoben, manchmal etwas hysterisch [11, S. 28] (*Я старая дева. Немного странная, иногда слегка истеричная*). Выражение *eine alte Jungfer – старая дева* является устаревшим и разговорным. Оно обозначает женщину, оставшуюся незамужней до пожилого возраста, при этом может нести негативный оттенок, связанный со стереотипом о замкнутом или консервативном образе жизни вследствие отсутствия брака и детей. Качественные прилагательные *verschoben* и *hysterisch* являются используются нарратором для описания собственных особенностей характера и подчеркивают самокритичное восприятие себя. Наречия *ein bisschen – немного, слегка, чуть* и *manchmal – иногда, порой* необходимы нарратору для смягчения и уточнения своих характеристик, они выражают степень его качеств и добавляют оттенки значений, чтобы придать описанию более субъективный и нюансированный характер.

Анализ произведений немецкоязычных женщин-авторов выявил несколько ключевых аспектов, интересующих женщин, среди которых материнство, отношения и межличностные связи, мода и внешний вид, ведение домашнего хозяйства, отношение к образованию и работе, подход к решению проблем, а также психологическое состояние.

При обращении к творчеству русскоязычных писательниц, освещающих проблемные стороны жизни женщины, были выявлены следующие результаты:

1) Внутренние переживания и эмоциональные состояния. Постоянное напряжение и отчаяние связаны с высокими ожиданиями и давлением, которые женщины испытывают, пытаясь балансировать между различными ролями и обязанностями, что создает непрерывное чувство тревоги и стресса и отражает их глубокие внутренние конфликты и борьбу за самоопределение и признание в обществе.

«Главное, что осталось в моей памяти от нашей не общей, но совместной жизни, это ощущение постоянного напряжения. Оно не проходило ни днем, ни ночью, я просыпалась с ним и засыпала, а сердце мое постоянно колотилось, как у мышки» [11, с. 30]. Сравнение «сердце колотилось как у мышки» показывает состояние женщины, испытывающей постоянное

нервное напряжение и тревогу. Нарратор ощущает себя уязвимым и взволнованным, что отражается на его физическом и эмоциональном состоянии.

«Я пришла в отчаяние: как же я могу развить в себе то, чего не способна даже обнаружить?!» [12]. Метафора «приходить в отчаяние» означает, что женщина испытывала сильное чувство безнадежности и глубокого разочарования из-за происходящего.

Женщины часто затрагивает тему реальности и вымысла, которые настолько тесно переплетены, что трудно отличить одно от другого, что подчеркивает внутренние сомнения и эмоциональную нестабильность нарратора: «... реальность и вымысел всегда так тесно переплетались в моей голове, что трудно было отличить одно от другого» [13].

«Я не стала говорить ему, что я – попросту сумасшедшая» [12]. Прилагательное «сумасшедшая» описывает женщину с позиции ее субъективного восприятия психического и эмоционального состояния.

2) Семейные ценности и роли. Проблема взаимоотношений родителей и детей, заключающаяся в противоречии между зависимостью молодых семей от помощи старшего поколения и стремлением к независимости, подчеркивает значимость самостоятельности и ответственности в семейных отношениях.

«Помню прекрасно себя – никогда мне и в голову не приходило скинуть сына на руки бабушкам, няням, воспитателям в садике, чтобы самой наслаждаться жизнью» [14]. Фразеологизм «приходить в голову» обозначает внезапное возникновение мысли, идеи или плана в сознании человека. Глагол «скинуть» в данном контексте является разговорным и употребляется для передачи непринужденного, возможно слегка пренебрежительного отношения к третьему лицу.

«Я хорошо запомнила нашу французскую жизнь, тот давний, преподнесенный мне моим мужем отличный урок. И отчетливо понимала, что больше зависеть от него я не буду! Ни от кого я не буду зависеть! Я буду рассчитывать на себя – это моя установка» [14]. Многократное использование фразы «я не буду зависеть» подчеркивает решимость и настойчивость женщины в ее стремлении к независимости. Повтор служит для усиления эмоционального воздействия, демонстрируя, насколько глубоко это убеждение укоренилось в ее сознании и насколько важно для нее чувство самостоятельности и нежелание полагаться на других в будущем. Этот прием делает ее заявление более убедительным и выражает ее твердую решимость и внутреннюю силу.

3) Эстетические аспекты самопрезентации. Стремление женщин выглядеть красиво и элегантно показывает их желание соответствовать социальным ожиданиям и подчеркнуть свою индивидуальность и женственность в любые времена.

«Ходили в театры – в «Современник», во МХАТ, в Вахтангова. Помню, как женщины торопливо, *смущаясь и оглядываясь, переодевали* в фойе прихваченные из дома *нарядные туфельки*. А *замызганные сапоги* сдавали в гардероб. У зеркала *поправляли прически, подкрашивали губы, одергивали скромные блузки*. Трогательно» [15]. Перечисление глаголов «*смущаться, оглядываться и переодевать*», «*поправлять, подкрашивать и одергивать*» используется для создания живого и динамичного образа происходящего. Это помогает читателю лучше представить себе картину и почувствовать атмосферу момента. Глаголы описывают действия женщин, передавая их эмоции и состояние – спешку, смущение и осторожность. Такое перечисление делает описание более конкретным и выразительным, усиливая впечатление и эмоциональное воздействие на читателя. Выражения «*нарядные туфельки*» и «*замызганные сапоги*» являются антонимами и контрастными эпитетами. Они используются для подчеркивания различия между повседневностью и праздником, между обыденной жизнью и особенным моментом. «*Нарядные туфельки*» символизируют стремление к красоте, изяществу и соответствию месту, тогда как «*замызганные сапоги*» олицетворяют повседневность, практичность и, возможно, сложные условия жизни.

4) Социальные взаимодействия и межличностные связи. Нарратор чувствует себя с партнером как ребенок и стремится к проявлению детских эмоций и поведения, что иллюстрирует значимость близости и поддержки.

«Я чувствовала себя с ним совсем ребенком и мне хотелось вести себя по-детски: *вскарабкаться ему на колени, обхватить за шею и немного всплакнуть*. Может, от того, что Пол все время называл меня *девочкой?*» [14]. В данном контексте перечисления глаголов «*вскарабкаться, обхватить, всплакнуть*» используются для того, чтобы передать разнообразие детских проявлений, стремление к защите и выражение эмоциональной потребности в заботе и теплоте. Эти глаголы подчеркивают желание героини вернуться в состояние детства, когда она могла чувствовать себя защищенной и любимой.

5) Роль образования и профессиональной деятельности. Страх разочаровать окружающих и не оправдать ожиданий подчеркивает стремление женщин к профессиональной самореализации и признанию, отражая их борьбу за место в обществе и желание доказать свою ценность и компетентность.

«Я – скульптор, Оля. Хотя на хлеб зарабатываю как веб-дизайнер. Ну, вы знаете... В одной конторе числюсь» [13]. Междометие «ну» используется нарратором для создания непринужденного, разговорного тона, чтобы привлечь внимание слушателя и плавно перейти к следующей мысли, делая повествование более естественным и менее формальным.

6) Личные воспоминания и рефлексия. Женщины часто обращаются к воспоминаниям, чтобы осмыслить свой жизненный путь

и опыт, сопоставить прошлые и настоящие чувства, и лучше понять свои достижения и ошибки.

«Помню, как возвращалась домой, чувствуя себя *умудренной, много чего повидавшей и испытавшей женщиной. О-хо-хо! Наивная девочка* – все испытания были еще впереди! Как славно, что я об этом не знала!» [15]. Междометие «*О-хо-хо!*» выражает удивление нарратора или осознание им какого-то значимого факта. Оно передает эмоции и состояние говорящего в момент воспоминания. Метафора «*наивная девочка*» используется для самоиронии и самооценки прошлого опыта. Повествователь описывает свою прошлую неопытность и наивность по сравнению с нынешним знанием и осознанием. Прилагательные «*умудренная, испытавшая и повидавшая*» описывает автора как женщину с богатым жизненным опытом. Эти слова подчеркивают, что пережитые трудности и испытания сделали ее мудрее и сильнее.

7) Чувство одиночества. Нарратора тяготит одиночество, потому что оно усиливает чувство разобщенности с близкими и подчеркивает физическую и эмоциональную дистанцию.

«*Дочь. Моя дочь Ника. Она тоже, слава богу, есть! Господи*, что за фраза получилась – самой стало страшно. *Нелепая, страшная*, но – правдивая. *Вроде как. Почему вроде? Да потому, что она, моя дочь, далеко!*» [15]. Лексический повтор существительного «*дочь*» используется для усиления эмоциональной связи и важности, которую героиня придает своей дочери, подчеркивая центральное место дочери в ее мыслях и чувствах. Междометия «*слава богу*» и «*Господи*» передают благодарность и эмоциональное напряжение, усиливая искренность и экспрессивность повествования, а также отражая переживания говорящей. Вводное слово «*вроде*» выражает неуверенность или сомнение. В предложении оно используется для передачи сложных чувств матери, которая признает реальность, но все еще сомневается и надеется на лучшую ситуацию.

Восклицательные и вопросительные предложения используются для передачи эмоциональной напряженности и внутреннего конфликта героини. Восклицательное предложение «*Она тоже, слава богу, есть!*» выражает сильные чувства говорящей, такие как радость, страх, и признание неприятной правды. Они помогают передать эмоциональный накал и интенсивность переживаний. Вопросительное предложение «*Почему вроде?*» показывает внутренние сомнения и рефлекссию нарратора. Оно подчеркивает ее размышления и попытки осмыслить свои чувства и ситуацию.

Таким образом, темы женских нарративов в этих произведениях варьируются от восприятия реальности и межличностных связей до профессиональной самореализации, семейных ценностей и личных переживаний, отражая широкий спектр женских опытов и взглядов.

Заключение

Анализ тематических предпочтений и языковых средств в нарративах немецкоязычного нарратора-женщины выявляет важные аспекты феминности и гендерных ролей.

Наиболее частотными темами для немецкоязычного нарратора являются материнство (25%), социальные взаимодействия и межличностные связи (20%), эстетические аспекты самопрезентации (17%), подчеркивающие важность роли женщины в семье и стремление к самовыражению. Организация семейного быта занимает 12%, что указывает на разнообразие представлений и стратегий в данной сфере. Тематика образования и профессиональной деятельности составляет 10%, подчеркивая стремление женщин к личностному и профессиональному росту. Эмоциональное состояние и подходы к решению проблем представлены в 8% случаев, что раскрывает внутренние переживания и механизмы преодоления трудностей.

Противопоставления, лексические повторы и перечисления подчеркивают различные аспекты феминности, демонстрируя внутренние противоречия и эмоциональную интенсивность женщины. Модальность, оттеночные частицы, разговорная и оценочная лексика, а также междометия отражают субъективные переживания феминного нарратора. Гиперболизированная экспрессия усиливает эмоциональное воздействие и выражает глубину переживаний, а ирония используется для самозащиты и демонстрации внутренней силы. Качественные прилагательные передают субъективное восприятие мира и внутренние переживания женщины.

Лексические единицы включают термины родственных отношений (*die Mutter*), профессии и виды деятельности (*die Wissenschaftlerin, die Biologin, die Entomologin, die Hausfrau, die Insektenfrau*), сравнение с титулом (*die Prinzessin*), социальный статус (*die Jungfer*) и биологическую категорию (*das Muttertier*). Существительное *das Mädchen* является примером несоответствия биологического пола с родом существительного.

Русскоговорящий нарратор уделяет значительное внимание своим внутренним переживаниям и эмоциональным состояниям, что составляет 20% всех упоминаний. Это подчеркивает склонность к рефлексии и самоанализу, характерным для русской культуры. Семейные ценности и роли находятся на втором, что составляет 18% и свидетельствует о важности семейных отношений и традиционных ценностей.

Эстетические аспекты самопрезентации и социальные взаимодействия и межличностные связи занимают по 15% упоминаний, что указывает на значимость внешнего облика и стиля в нарративах, подчеркивая их роль в формировании образа персонажей и отражении социальных норм. Профессиональная деятельность и карьерные вопросы также являются важной темой, представляя 13% всех упоминаний. Личные воспоминания и рефлексия составляют 10% и отражают стремление анализировать и осмысливать личный опыт. Чувство одиночества занимает 8% всех

упоминаний, что показывает наличие темы изоляции и потребности в социальном взаимодействии.

Русскоязычный нарратор активно использует вводные слова, лексический повтор и перечисления, что позволяет подчеркнуть эмоциональную насыщенность и индивидуальность феминного выражения. Метафоры, эпитеты и сравнения помогают создавать яркие и запоминающиеся образы, придавая повествованию глубину и эмоциональную выразительность. Использование фразеологизмов и разговорной лексики делает речь более естественной и живой, отражает повседневные реалии и приближает читателя к внутреннему миру героини. Междометия добавляют тексту экспрессию и эмоциональную окраску, делая повествование более динамичным. Восклицательные и вопросительные предложения усиливают эмоциональное воздействие и интерактивность текста.

Для русскоязычных произведений выделяем номинации для лиц женского пола (*дочь, девочка*), среди которых 1) родственные отношения (*дочь*) и 2) младшая женская категория (*девочка*).

Таким образом, исследования подобного рода позволяют проследить, как в языке и повествовательных стратегиях проявляются культурно обусловленные представления о женщине, ее роли и самоидентичности.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Hunter K., Jouenne E. All women belong in the kitchen, and other dangerous tropes // *Journal of Advanced Military Studies*. – 2021. – No. 12(1). – Pp. 57-85.

[2] Hristova G. N. Masculinity and femininity // *Postmodernism Problems*. – 2024. – No. 14(1). – Pp. 116-134.

[3] Като Ю., Бойцов И., Данкер З. Гендерные параметры национальной ментальности: концепт «Женщина» (на материале русской и японской культур) // *Departmental Bulletin Paper*. – 2019. – №. 41. – С. 3-17.

[4] Чернышева А. В., Спирюгова А. Г. Маскулинность и фемининность в современном обществе: тенденции трансформации // *Гуманитарный Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана*. – 2021. – № 6. – С. 1-19.

[5] Showalter E. *The New Feminist Criticism: Essays on Women, Literature, and Theory*. – New York: Pantheon Books, 1985. – 403 p.

[6] Bermejo-Berros Je, Lopez-Diez Ja, Gil Martínez M. Inducing narrative tension in the viewer through suspense, surprise, and curiosity. – *Poetics*. Elsevier: 2022, No. 93, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304422X22000262?via%3Dihub>

[7] Елубай А. М., Бирай Н. Образ женщины в тюркском мире и его выражение в пословицах // *Известия КазУМО и МЯ имени Абылай хана серия «Филологические науки»*. – 2023. – № 3(70). – С. 54-65.

[8] Rabe A. *Die Möglichkeit von Glück*. – [Klett-Cotta, 2023. – 384 S.

- [9] Streisand L. Hätt' ich ein Kind. – Ullstein Taschenbuch Verlag, 2022. – 224 S.
- [10] Schreiber Ja. Endling. – Eichborn: 2023. – 336 S.
- [11] Link Ch. Das Haus der Schwester. – Blanvalet Taschenbuch Verlag, 2010. – 624 S.
- [12] Лавряшина Ю. А. Гринвичский меридиан. – Мангазея, 2000. http://loveread.ec/view_global.php?id=50745
- [13] Лавряшина Ю. А. Запретный плод. – ЭКСМО, 2019. <https://www.litres.ru/book/uliya-lavryashina/zapretnyy-plod-48616435/chitat-onlayn/>
- [14] Метлицкая М. Его женщина. – Эксмо-Пресс, 2019. http://loveread.ec/read_book.php?id=69589&p=1
- [15] Метлицкая М. Можно я побуду счастливой? – Эксмо-Пресс, 2018. <http://loveread.ec/contents.php?id=54191>

REFERENCES

- [1] Hunter K., Jouenne E. All women belong in the kitchen, and other dangerous tropes // Journal of Advanced Military Studies. – 2021. – No. 12(1). – Pp. 57-85.
- [2] Hristova G. N. Masculinity and femininity // Postmodernism Problems. – 2024. – No. 14(1). – Pp. 116-134.
- [3] Kato Ju., Bojcov I., Danker Z. Gendernye parametry nacional'noj mental'nosti: koncept «Zhenshhina» (na materiale russkoj i japonskoj kul'tur) [Gender parameters of national mentality: the concept of “Woman” (based on Russian and Japanese cultures)] // Departmental Bulletin Paper. –2019. – No. 41. – S. 3-17. [in Rus.]
- [4] Chernysheva A. V., Spirjugova A. G. Maskulinnost' i femininnost' v sovremennom obshhestve: tendencii transformacii [Masculinity and Femininity in Modern Society: Transformation Trends] // Gumanitarnyj Vestnik MGTU im. N.Je. Bauman. – 2021. – No. 6. – S. 1-19. [in Rus.]
- [5] Showalter E. The New Feminist Criticism: Essays on Women, Literature, and Theory. – New York: Pantheon Books, 1985. – 403 p.
- [6] Bermejo-Berros Je, Lopez-Diez Ja, Gil Martínez M. Inducing narrative tension in the viewer through suspense, surprise, and curiosity. – Poetics. Elsevier: 2022, No. 93, URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304422X22000262?via%3Dihub>
- [7] Elubai A. M., Birai N. Obraz zhenshchiny v tyurkskom mire i ego vyrazhenie v poslovitsakh [The image of a woman in the turkic world and its expression in proverbs] // Izvestiya KaZUMO i MYA imeni Abylai khana seriya «Filologicheskie nauki». – 2023. – No. 3(70). – S. 54-65. [in Rus.]
- [8] Rabe A. Die Möglichkeit von Glück. – Klett-Cotta, 2023. – 384 S.
- [9] Streisand L. Hätt' ich ein Kind. – Ullstein Taschenbuch Verlag, 2022. – 224 S.

[10] Schreiber Ja. Endling. – Eichborn: 2023. – 336 S.

[11] Link Ch. Das Haus der Schwester. – Blanvalet Taschenbuch Verlag: 2010. – 624 S.

[12] Lavrjashina Ju. A. Grinichskij meridian [Greenwich Meridian]. – Mangazeja, 2000. http://loveread.ec/view_global.php?id=50745 [in Rus.]

[13] Lavrjashina Ju. A. Zapretnyj plod [Forbidden fruit]. – JeKSMO, 2019. <https://www.litres.ru/book/uliya-lavryashina/zapretnyy-plod-48616435/chitat-onlayn/> [in Rus.]

[14] Metlickaja M. Ego zhenshhina [His woman]. – Jeksmo-Press, 2019. http://loveread.ec/read_book.php?id=69589&p=1 [in Rus.]

[15] Metlickaja M. Mozhno ja pobudu schastlivoj? [Can I be happy?]. – Jeksmo-Press, 2018. <http://loveread.ec/contents.php?id=54191> [in Rus.]

ӘЙЕЛДІК ЖӘНЕ МӘДЕНИ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ ӘЙЕЛДЕР НАРРАТИВТІ ДА НЕМІС - ОРЫС ТІЛДІЛЕРДІҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ӘДЕБИ МӘТІНДЕРДЕ

*Зубенко Я.В.¹, Нефедова Л.А.²

*¹А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай, Қазақстан

Челябі мемлекеттік университеті, Челябині, Ресей

Аңдатпа. Мақала зерттеу ерекшеліктерін әйелдік және әйелдер нарративті қазіргі заманғы неміс және орыс тілді әдеби мәтіндерде. Өзекті алаң зерттеу қамтиды және салыстырмалы талдау, гендерлік және мәдени аспектілерін екі түрлі әдеби дәстүрлерін. Жұмыстың негізгі мақсаты болып табылады анықтау ерекшелігін әйелдік талдау арқылы мәдени ерекшеліктерін әйелдер нарративті қазіргі әдеби шығармалары. Зерттеу материалы болып қызмет етеді мәтіндері қазіргі заманғы неміс және орыс тілді жазушылар. Зерттеудің әдістемелік базасы қамтиды гендерлік және салыстырмалы әдебиет талдау, сондай-ақ мәдениеттанулық тәсіл. Талдау нәтижелері көрсеткендей, неміс тілді мәтіндерінде басым көңіл бөлді ана мен тұлғааралық қарым-қатынас, бұл көрсетеді маңыздылығы отбасылық рөлін әйелдер мен ұмтылу өзін-өзі жетілдіру. Орыс тілді мәтіндерде негізгі назар ішкі переживаниям, эмоционалдық рефлексия және самоанализу айғақтайды терең байланысты дәстүрге субъективті нарративті. Қорытындылары зерттеулер растайды елеулі ықпал ұлттық мәдени ерекшеліктерді қалыптастыруға әйелдер білім және нарративных стратегиялары. Жұмыс дәлелдейді болуы айырмашылықтарды түсіндіру әйелдер рөлдер, олар байланыста мәдени кодтары, екі дәстүрлерін. Алынған нәтижелер ықпал етеді, терең түсінуге гендерлік стереотиптерді, әлеуметтік динамика және мәдени бірегейлікті әдеби мәтіндерде. Практикалық маңызы зерттеу мүмкіндігінде қолдану, оның нәтижелерін талдау үшін гендерлік маркированности тілдік құралдарын неміс және орыс тілдерінде жасалды.

Анықталған стилистикалық тәсілдері мен ерекшеліктері тілдік білдіру феминности қабілетті ғана емес, ықпал ету моделін әзірлеу мәдениетаралық қарым-қатынас, бірақ және үшін негіз ретінде қызмет етеді талдау ұлттық және мәдени ерекшеліктерін, байланысты гендерлік идентичностью, сондай-ақ зерттеу үшін рөлдік қондырғыларды және олардың тілдік көріністері.

Тірек сөздер: нәзіктік, әйел әдеби нарратив, нарратор-әйел, тіл мәдениеті, қарым-қатынас, гендерлік стереотип, баяндау блогы, гендерлік таңбалау

FEMININITY AND CULTURAL FEATURES OF FEMALE NARRATIVE IN GERMAN AND RUSSIAN CONTEMPORARY LITERARY TEXTS

*Zubenko Ya.V.¹, Nefedova L.A.²

^{*1}A. Baitursynuly Kostanai Regional University, Kostanai, Kazakhstan

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article considers femininity features and female narrative in modern German and Russian literary texts. The research incorporates a comparative analysis of gender and cultural aspects of the two literary traditions.

The goal of the work is to identify the specificity of femininity through the analysis of cultural features of the female narrative in modern literary works. The material of the study is the texts of modern German- and Russian-speaking writers. The methods applied include gender and comparative literary analyses including cultural aspects.

The results of the analysis show that the German texts are dominated by an emphasis on the issues of motherhood and interpersonal relationships, highlighting the importance of women's family role and the desire for self-realization.

In Russian texts, the focus is on internal experiences, emotional reflection, and self-analysis, which indicates a deep connection with the tradition of subjective narrative.

The findings of the study confirm the significant influence of the national cultural context on the formation of female images and narrative strategies.

The study proves the existence of differences in the interpretation of women's roles, which correlate with the cultural codes of both traditions. The obtained results contribute to a deeper understanding of gender stereotypes, social dynamics, and cultural identity in literary texts. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to analyse gender marking of linguistic means in the German and Russian languages. The identified stylistic devices and features of the linguistic expression of femininity can not only contribute to the development of models of intercultural communication but also serve as a basis for the analysis of national and cultural characteristics associated

with gender identity, as well as for the study of role attitudes and their linguistic manifestations.

Keywords: femininity, female literary narrative, female narrator, linguistic culture, communication, gender stereotype, narrative block, gender marking

*Мақала түсті / Статья поступила / Received: 07.04.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted: 25.12.2025.*

Информация об авторах:

Зубенко Яна Валериевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы, Костанай, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-6239-1575>, e-mail: janaz75@rambler.ru

Нефедова Лилия Амиряновна – доктор филологических наук, профессор Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>, e-mail: lan2@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет:

Зубенко Яна Валериевна – филология ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-6239-1575>, e-mail: janaz75@rambler.ru

Нефедова Лилия Амиряновна – филология ғылымдарының докторы, профессор Челябі мемлекеттік университеті, Челябі, Ресей, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>, e-mail: lan2@mail.ru

Information about the authors:

Zubenko Yana Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, A. Baitursynuly Kostanai Regional University, Kostanai, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-6239-1575>, e-mail: janaz75@rambler.ru

Nefedova Liliya Amiryanyovna – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>, e-mail: lan2@mail.ru